

Концепция предмета преступления в отечественной уголовно-правовой науке

Предмет преступления в дореволюционной литературе. Первые попытки определения того, что в настоящего время связывают с термином «предмет преступления», отграничения такого предмета от объекта преступления в отечественной уголовно-правовой науке были предприняты еще на рубеже XIX - XX вв. До этого понятия «объект преступления» и «предмет преступления» использовались в ней как тождественные, взаимозаменяемые, а потому о чем бы именно ни шла речь при характеристике направленности посягательств – отдельных лицах или некотором их множестве (В.Д. Спасович), человеке с созданными им или принадлежащими ему ценностями (А.Ф. Кистяковский, С.М. Будзинский, П.Д. Калмыков, Д.А. Дриль), правовых нормах или правовых благах (Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергиевский) и т.д. – вопрос об относимости того или иного к объекту или предмету посягательства долгое время в российской уголовно-правовой науке оставался открытым. И только в конце XIX в. в работах некоторых авторов начинает высказываться мысль о необходимости разграничения так называемых объекта защиты и объекта действия. Обобщив вкладываемый смысл в эти понятия, А.Н. Круглевский выделил несколько подходов в их трактовке. Как он писал, применительно к первому высказывались мнения о том, что «объектом юридической охраны... признается тот предмет, на который посягает отдельное преступление, конкретное воплощение правового блага, то фактическое отношение, изменить которое имело в виду лицо действующее, решаясь на преступление, охраняемое правом состояние, которое повреждается или ставится в опасность преступлением...»¹.

Не менее разнообразные суждения высказывались также и по поводу второго: «объектом действия признается предмет, относительно которого учинено преступление или который должен быть создан преступлением для того, чтобы возникло характерное для данного деликта посягательство на предмет юридической охраны (Оппенгейм);

¹ Круглевский А.Н. Имущественные преступления. М., 1915. С. 13.

предмет фактического воздействия субъекта, действующего в предположении, что он посягает на то или иное благо (Мокринский), непосредственная цель действия индивида»¹.

Что же касается самого А.Н. Круглевского, то, высказывая свое мнение о различиях между указанными двумя объектами, он в отношении объекта защиты утверждал: «Ошибочно было бы думать, что объектом деликта является все то, что изменяется лежащим в основе его действием. Для деликта вовсе не характерны производимые им химические или механические эффекты. Единственно существенным свойством деликта, наряду с противоправностью его, является его вредоносность, причиняемый им вред и, сообразно с этим, предметом преступления может быть признак, только повреждаемый деликтом предмет, т.е. благо». Объект действия – то, что именно на него происходит воздействие; в каждом конкретном случае объект действия часто бывает сложно отграничить от средств совершения преступления. Надо сказать, что именно указанные особенности в последующем оказались в центре внимания специалистов, решающих проблемы отграничения предмета преступления от объекта преступления и средств совершения преступления.

Предмет преступления в советской юридической литературе.

В советской юридической литературе все авторы при решении вопроса о предмете преступления исходили из того, что он неразрывно связан с объектом посягательства, и что таковым объектом должны признаваться не нормы права, правовое благо и т.д., а только складывающиеся в различных областях наиболее важные общественные отношения, которые ставятся под уголовно-правовую охрану и которым преступлением причиняется или создается угроза причинения вреда. Несмотря, однако, на декларируемое в литературе единство взглядов на понятие объекта преступления, его взаимосвязь с предметом преступления раскрывалась отечественными учеными по-разному.

Пытаясь обосновать тезис о возможности признания объектом преступления только общественные отношения, ряд исследователей в середине прошлого столетия выдвинули положение о том, что применительно к некоторым составам преступления (против личности, собственности и др.) объектом преступления следует рассматривать не общественные отношения, а их материальное выражение, элементы и т.п. В сущности, отождествляя предмет преступления с непосредственным объектом посягательства, в отечественной уголовно-правовой литературе понятие первого стали

¹ Круглевский А.Н. Указ. соч. С. 14.

часто увязывать с тем, на что воздействует виновный в процессе преступного посягательства, и что само по себе является не общественным отношением, а его внешним проявлением или (и) составной частью.

Концепция сторонников отождествления предмета преступления с непосредственным объектом преступления не нашла широкой поддержки. В частности, против данной позиции выступил А.А. Пионтковский, который считал, что она влечет за собой отказ от понятия непосредственного объекта преступления и необоснованно вводит в учение о нем понятие предмета преступления. «Если это только переименование непосредственного объекта в предмет посягательства, – писал автор, – то по существу ничего не меняется, т.к. непосредственный объект и есть предмет, на который воздействуют. Поэтому определять предмет как нечто, на что непосредственно воздействует преступник (имущество, здоровье человека и т.д.), и, оставляя этот предмет в учении об объекте, не называя его объектом – значит всего лишь неоправданно изменять ранее устоявшуюся и более правильную терминологию»¹. Полагая, что в процессе посягательства воздействие оказывается не на предмет преступления, как принято считать, а на непосредственный объект преступления, А.А. Пионтковский сделал вывод: «О предмете как элементе состава преступления в отличие от объекта преступления можно и должно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления на него (предмет) не происходит посягательства.... При таком понимании предмета преступления он не относится к объекту, а принадлежит к объективной стороне состава»².

Предложенная А.А. Пионтковским трактовка предмета преступления как части объективной стороны, не подвергающейся преступному воздействию в уголовно-правовой науке своего дальнейшего развития не получила и в силу своей противоречивости вряд ли имела такой шанс. Начиная со второй половины XX в. в подавляющем большинстве работ, так или иначе затрагивающих проблему предмета преступления, на вооружение была взята как раз идея иного рода: рассмотрения его в качестве составной части общественного отношения как объекта преступления. Наиболее обстоятельно эта мысль была развита Б.С. Никифоровым, который отмечал, что «при более глубоком исследовании объекта именно как общественного отношения проблема предмета преступления в ее нынешнем виде по существу

¹ Курс советского уголовного права: В 6-ти т. Часть Общая. Т. 2. Преступление. М., 1970. С. 119.

² Там же.

снимается, потому что устраняется необходимость в самостоятельном исследовании предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование». И продолжал: «...то, что в настоящее время принято именовать предметом, соотносится с объектом не как части неназванного единства, расположенные внешне по отношению друг к другу, а как составная часть целого – с самим этим целым, которое, помимо «предмета», включает в себя и другие элементы»¹.

Наиболее важным вопросом, возникшим в последующем в советской юридической литературе в связи с признанием предмета преступления составной частью объекта преступления, понимаемого как общественное отношение, был вопрос о том, какой именно элемент общественного отношения играет роль предмета преступления? Со временем в его решении обозначились две основные позиции. Одна из них, получившая наибольшее распространение, основывалась на тезисе, согласно которому в процессе посягательства преступное воздействие может на любой элемент общественного отношения, рассматриваемого объектом преступления. «Поскольку в философском смысле объектом воздействия для субъекта выступают материальные объекты, конкретные вещи реального мира, – утверждал Н.И. Коржанский, – постольку и объектом преступного воздействия могут быть признаны реальные, конкретные материальные объекты, на которые может быть оказано непосредственное воздействие». В связи с этим, не исключая возможности существования так называемых беспредметных преступлений, автор соответствующим образом конструировал и понятие предмета преступления как «конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объект преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений»².

Тезис о возможности существования беспредметных преступлений вызвал критику со стороны ряда ученых. В более категоричной форме она исходила от В.К. Глистина, который, поддерживая мнение о том, что предмет преступления – то, по поводу чего или в связи с чем складывается охраняемое уголовным законом общественное отношение, утверждал: 1) «Концепция предмета как любого элемента, через который посягательство воздействует на общественное отношение, ничего

¹ Никифоров Б.С. Объект преступления. С. 130.

² Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 99–104.

не дает»; 2) «Серьезная ошибка авторов, подразделяющих преступления на предметные и беспредметные, состоит в том, что материальный предмет анализируется в отрыве от содержания конкретного общественного отношения, основой или элементом которого он является»; 3) «Предмет является неотъемлемым составным элементом общественного отношения и наряду с другими элементами – субъектами отношений и их деятельностью – определяет сущность и специфику конкретного общественного отношения»; 4) «Посвяительство в объективной действительности всегда непосредственно воздействует либо на личность, либо на предмет (вещь, благо), либо на определенную деятельность». «Введение понятия предмет преступного посвяительства (под ним понимается любой элемент общественного отношения, подвергающийся преступному воздействию) необоснованно... такое толкование предмета в составе объекта преступления влечет подмену предмет как элемента, по поводу которого возникло и существует общественное отношение, иными, качественно отличными от него явлениями»¹.

Возникшие разногласия в представлениях о понятии предмета преступления, его взаимосвязи с объектом преступления, послужили основанием для возникновения иного, принципиально нового подхода к решению проблемы. Свое обоснование он получил в работе В.Я. Тация, который в конце 80-х гг. прошлого века в рамках концепции «объект преступления есть общественные отношения» высказал мысль о недопустимости отождествления предмета преступления как с предметом общественного отношения, так и с предметом преступного воздействия. Отстаивая мысль о самостоятельной значимости в уголовном праве каждого из таких предметов, автор в конечном счете каждый из них обозначил: а) предмет охраняемого общественного отношения – «все то, по поводу чего или в связи с чем существует само общественное отношение; б) предмет преступного воздействия – тот «элемент общественного отношения, который подвергается непосредственному преступному воздействию и, которому, следовательно, причиняется вред прежде всего», в) предмет преступления – «любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица конкретного состава преступления»².

¹ Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 43–58.

² Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков. 1988. С. 58

Думается, что наиболее слабым звеном в суждениях В.Я. Тацця о предмете преступления оказался вывод, непосредственно касающийся функциональных отличий такого предмета от иных предметов и самого объекта преступления: указание на то, что это есть любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица конкретного состава преступления, например, охватывает и средства совершения преступления, а, значит, оказывается явно недостаточным. Справедливости ради, следует, однако, признать, что не только указанным выше, но и всем другим взглядам на предмет преступления, высказанным в советской юридической литературе, была присуща значительная доля неопределенности в характеристике основного признака предмета преступления (то, на что оказывается воздействие; то, по поводу чего или в связи с чем возникает охраняемое отношение; материальное выражение общественного отношения и т.п.), его места в составе преступления и соотношения с объектом преступления. Кроме того, представляется, что во всех предлагавшихся вариантах решения проблемы весьма сомнительным оказывалось положение о допустимости признания предметом преступления в некоторых составах преступления человека, личности, индивида.

Современные концепции предмета преступления.

Если обратиться к отечественной уголовно-правовой литературе постсоветского периода, то и в ней можно обнаружить немалое число авторов, являющихся сторонниками трактовки объекта преступления в качестве определенного рода общественных отношений, в рамках которой в недалеком прошлом предмет преступления чаще всего воспринимался: а) составной частью объекта преступления; б) как имеющий материальный характер и в) непосредственно подвергающийся воздействию в процессе посягательства. Не изменились взгляды на предмет преступления сторонников такого понимания объекта и в настоящее время. Вместе с тем, в последнее время появился ряд работ, в которых объект преступления характеризуется иначе. Как в данном случае решается вопрос о предмете преступления?

Пожалуй, наиболее примечательной в этом плане является позиция А.В. Наумова, считающего, что объектом преступления может выступать лишь то, что терпит ущерб в результате преступления. Ссылаясь на высказанную в свое время точку зрения Н.С. Таганцева и констатируя, что «объектом преступления следует признать те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются

уголовным законом»¹, автор делает вывод: предмет преступления есть «материальные предметы внешнего мира, на которые непосредственно воздействует преступление, осуществляя преступное посягательство на соответствующий объект». Отмечая, что предмет преступления присутствует не в каждом преступлении (в качестве примера беспредметных преступлений называются изнасилование, оскорбление и дезертирство), А.В. Наумов пишет: «Для многих преступлений личность потерпевшего приобретает такое же уголовно-правовое значение, как и предмет преступления. Например, изнасилование несовершеннолетней или потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, влечет для преступника повышенную ответственность (чч.2 и 3 ст.131 УК РФ)»².

Необходимость или возможность признания правовых благ и интересов в качестве объекта преступления разделяется и другими учеными. Некоторые из них отдают предпочтение трактовке предмета преступления по типу: «это то, по поводу чего совершается преступление»³. Но большинство авторов, ориентирующихся на приведенную интерпретацию объекта преступления, исходят в своих суждениях из обоснованности рассмотрения предметом преступления «овеществленного элемента материального мира, воздействуя на который виновный осуществляет посягательство на объект преступления». Кстати, в своих суждениях относительно допустимости характеристики потерпевшего от преступления в качестве предмета преступления данные авторы обычно еще более категоричны. «Иногда, чаще всего при посягательствах на личность, – утверждает, в частности, А.В. Пашковская, – признак «предмет преступления» подразумевает человека... (при убийстве, причинении вреда здоровью, изнасиловании и др.). При этом объектом преступления признаются какие-либо личные интересы, блага, в качестве же предмета преступления выступает человек как физическое лицо. В таких случаях термин «предмет преступления» заменяют понятием «потерпевший»⁴.

Не ставя перед собой задачу изложения всех встречающихся в настоящее время суждений о предмете преступления среди сторонников нового понимания объекта посягательства, позволим себе,

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т.1. Общая часть. 3-е изд., перер. и доп. М., 2004. С. 180.

² Наумов А.В. Указ. соч. С. 184.

³ Российское уголовное право. Курс лекций. Т.1. Преступление/ Под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 309.

⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Т.1: Учение о преступлении: Учеб. для вузов/ Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 211.

тем не менее, утверждать, что и с позиций наделения правовых благ (интересов) свойством выступать объектом характеристика предмета преступления становится не менее, а, наоборот, еще более проблематичной. Даже если согласиться с положением, согласно которому лишь нечто, имеющее материальную субстанцию, способно играть в преступлении роль его предмета, то необходимо провести четкие разграничения между материальным предметом, подвергающимся, как утверждается, преступному воздействию, и самим благом, объявляемым объектом преступления. Решить такую задачу практически невозможно по той причине, что предметом посягательства не может быть вещь, не обладающая какой-либо (экономической, культурной и т.д.) ценностью, ибо, в противном случае, такая вещь для уголовного права будет безразличной.

Конечно, было бы ошибкой ставить знак равенства между благом и материальным предметом, хотя бы потому, что первым могут выступать и нематериальные предметы. Вместе с тем, нельзя считать охраняемое благо и материальный предмет имеющими самостоятельные субстраты. Другими словами, любая материальная вещь лишь постольку может быть названа предметом преступления, поскольку она представляет собой некоторого рода охраняемое благо.

В этой связи, реанимируя идею начала XX в. о посягательстве всякого преступного деяния на некоторого рода благо, мы не должны забывать того, что она в свое время была выдвинута без учета различий между терминами «объект преступления» и «предмет преступления», и, стало быть, переосмысливая ее, мы вновь должны решать вопрос о необходимости признания за данными терминами самостоятельное уголовно-правовое значение.

Кроме того, в настоящее время не следует забывать и о том, что теория правового блага с момента своего возникновения и в процессе развития имела еще один существенный недостаток: вне поля зрения ее сторонников оставалось решение вопроса об уголовно-правовом значении носителей, обладателей правового блага, тех, кому оно принадлежит. Лишь на самом первом этапе формирования отечественной уголовно-правовой науки предпринимались попытки характеристики направленности преступного деяния в качестве целого, объединяющего в себе одновременно одушевленное и неодушевленное, человека с созданными им или принадлежащими ему ценностями, субъекта права и субъективные права, носителя блага и само благо. К сожалению, в последующем вместо того, чтобы выяснить функции того и другого в составе преступления, теория уголовного права оставляла этот вопрос либо открытым, либо применительно

к преступлениям против личности, отводила человеку роль предмета преступления, и лишь по этическим соображениям называла физическое лицо потерпевшим от преступления.

Присоединяясь к мнению о неэтичности наделения людей функцией предмета посягательства (особенно в случаях, когда он интерпретируется в качестве некоторого рода материального предмета, вещи), хотелось все же заметить: теоретическую концепцию, которая фактически отводит человеку в преступлении значение его предмета, нельзя считать этичной, даже тогда, когда она термин «предмет преступления» заменяет понятием «потерпевший». А поскольку, вне всякого сомнения, это так, то вывод напрашивается один: наши представления о предмете преступления должны отводить человеку, потерпевшему от преступления, отличную от такого предмета функцию.

Какую именно? Надо думать, существуют все основания для того, чтобы, разрабатывая учение о предмете преступления, исходить из положения, в соответствии с которым в процессе любого посягательства, помимо виновного, есть некто, против кого оно совершается, кому оно причиняет или создает угрозу причинения вреда. Считая, что именно данное соображение обязывает нас рассматривать тех, кому причиняется или создается угроза причинения вреда, объектом преступления¹, можно сделать определенные выводы и применительно к предмету преступления, содержанию его признаков и функции в составе преступления. В тезисной форме существо этих выводов сводится к следующему.

Первое. Если ориентироваться на то, что в качестве объекта преступления рассматривается индивид, та или иная группа людей, социум или в некоторых случаях человечество в целом, то вполне логично в качестве предмета преступления называть *определенного рода блага (ценности)*, т.е. то, что способно удовлетворять те или иные потребности людей. Такая трактовка не только дает возможность обосновать потребность в самостоятельной значимости термина «предмет преступления», соответствующим образом раскрыть его взаимосвязь с понятием объекта преступления, но и признать ошибочным высказанный в юридической литературе взгляд на потерпевшего от преступления как предмет посягательства. Вне всякого сомнения, существует целый ряд составов преступления (например, убийство), предполагающих непосредственное воздействие на другого человека. Но столь же очевидно и другое: всякое воздействие

¹ Более подробно см.: Новоселов Г.П. Объект преступления: Методологические аспекты. М.: Изд-во «Норма», 2001.

носит конкретный характер в том смысле, что оказывается не на человека вообще, а на определенное его благо (жизнь, здоровье, честь, свободу и т.д.), и поэтому ничего не мешает нам само благо именовать предметом, а обладающего этим благом лицо – объектом посягательства. В отношении некоторых общественно опасных деяний (скажем, при торговле людьми, подмене ребенка и т.п.) можно допустить, что виновный действительно фактически относится к кому-то как к предмету, вещи. Вместе с тем, разве не за такое отношение устанавливается уголовная ответственность? Не приобретает ли человек уже с момента своего рождения каких-то прав, охрана которых, в том числе и при подмене ребенка – обязанность государства? Верно, что дееспособность детей, как и несовершеннолетних, носит ограниченный характер. Однако данное ограничение ни в коей мере не касается защиты их конкретных благ от преступных посягательств, которая, по крайней мере, с позиций принципа уголовного права, должна обеспечиваться вне зависимости от возраста, гражданства, умственного развития, социального положения и т.д.

Второе. Не требует особых доказательств положение о том, что не любое материальное или духовное благо способно быть предметом преступления, а только такое, которое законодатель поставил под уголовно-правовую охрану. В самом общем виде перечень таких благ сформулирован в ч. 1 ст. 2 УК РФ, устанавливающей в качестве его задач охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Применительно к отдельным видам или составам преступлений предмет посягательства конкретизируется самим законодателем и нередко Верховным Судом РФ, а также теорией уголовного права. Так, например, раскрывая понятие хищения, примечание к ст. 158 УК РФ увязывает данный вид преступлений с противоправным завладением чужим имуществом. В теории же помимо этого юридического признака выделяются дополнительно другие – экономический и т.д. – признаки предмета хищения.

Третье. Представляется весьма спорным суждение Н.И. Коржанского о том, что «в философском смысле объектом воздействия для субъекта могут выступать лишь материальные объекты, конкретные вещи реального мира». Не понятно, почему воздействие не может оказываться на сознание человека, его психику, волю. Это, с одной стороны. С другой – нет никаких оснований игнорировать

известное положение философии о том, что всякая деятельность носит предметный характер. Поскольку данное положение распространяется и на преступление, то вполне обоснованно можно утверждать: беспредметных преступлений не существует и существовать не может в принципе. Определяясь в связи с этим с причинами дискуссии, возникшей по поводу включения в понятие предмета преступления признака материальности, следует предположить, что они заключены главным образом в разном представлении авторов о содержании термина «воздействие». Если не сводить его только лишь к одному виду – физическому, то при анализе признаков предмета преступления можно ставить вопрос о необходимости широкого понимания термина «воздействие», т.е. таком, которое охватывает собой не только физическое, но и психическое, нравственное, информационное и т.д. воздействие на что-либо (психику, сознание, волю человека). Тем не менее, и этот подход вряд ли решает проблему, поскольку не следует исключать возможность совершения наказуемых деяний (в частности, совершаемых путем бездействия), которые вообще не связаны с оказанием какого-либо воздействия. Исходя из этого, выступая за возможность признания в качестве предмета преступления как материальных, так и не материальных благ, предпочтительнее связывать их не с признаком «оказание на них виновным непосредственного воздействия в той или иной форме», а с более широкой формулировкой: с *незаконным обращением* лица с материальным или нематериальным благом

Четвертое. Конструируя дефиницию предмета преступления, следует уточнить, что таковым всегда выступают блага, в отношении которых имеет место не только факт незаконного обращения с ним со стороны виновного, а незаконное обращение с которыми *причиняет или создает угрозу причинения вреда их обладателям*

С позиций рассматриваемого понимания объекта преступления можно сконструировать следующую дефиницию. Предмет преступления – *это способные удовлетворять человеческие потребности различного рода материальные и нематериальные блага (ценности), которые ставятся под уголовно-правовую охрану и незаконное обращение с которыми со стороны виновного причиняет или создает угрозу причинения вреда их обладателям.*